

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ *

И. С. Галкин, А. Д. Колпаков

Историография, как таковая, имеет предметом своего исследования внутренне единый процесс развития исторической науки, а в более широком понимании (то есть включая в сферу исследования, помимо трудов историков-профессионалов, политические, экономические и другие произведения, где содержатся важные с точки зрения прогресса исторического знания концепции или отдельные принципиальные оценки, суждения) — исторической мысли со времени ее зарождения. Вместе с тем основные разделы историографии (историческая мысль в древнем мире, в средние века, в новое и, наконец, в новейшее время) изучают составные части этого единого процесса. В этом делении отражается сложная, опосредствованная связь между развитием исторического знания и его социально-политической подпочвой, основными тенденциями классовой борьбы.

Историография нового времени есть история того раздела исторической науки, который посвящен изучению за время с XVI в. по 1917 г. конкретного хода развития капитализма и буржуазного общества на всех его стадиях — становления, утверждения, расцвета, а затем загнивания и упадка. В центре этого раздела объективно находятся происходившие в новое время существеннейшие революционные социально-политические и экономические процессы. Они наложили решающий отпечаток на весь этот период, когда, по сравнению с предыдущими эпохами, значительно ускорился темп исторического развития, резко возрос уровень производства, чрезвычайно усилилась роль народных масс, существенно обострились социальные конфликты, расширился круг их участников. На протяжении трех с лишним столетий процессы эти обусловили вначале решительную победу капиталистической общественной формации над феодальной, а затем поставили капитализм как мировую систему перед неминуемой гибелью, открыв широкую дорогу новому общественному строю — социализму. Главные этапы развития историографии нового времени восходят в конечном счете к важнейшим ступеням, пройденным буржуазным обществом.

Зарождение буржуазной исторической мысли как части нового, буржуазного миропонимания связано с возникновением первых ростков капиталистического производства в недрах европейского феодального строя. В целом «начало капиталистической эры» относится к XVI столетию, но первичные проявления этого процесса обозначились раньше: уже в XIV—XV вв. мы находим элементы буржуазных отношений в крупных городских центрах Италии и Нидерландов¹. Именно здесь за-

* При написании статьи были использованы вводные части и основные разделы коллективного труда «Историография нового времени стран Европы и Америки», подготовленного к изданию кафедрой новой и новейшей истории Московского государственного университета. Авторы стремились в сжатой форме осветить поднимаемые в учебнике важные проблемы развития исторической науки.

¹ См. К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1955, стр. 720.

рождается, расцветает, распространяется на всю Европу культура гуманизма, отражающая тенденции раннебуржуазного развития и рожденных им социальных конфликтов. Разрывая с мертвящими догмами средневековой схоластики, новое мировоззрение, полное веры в безграничные возможности освобожденного человеческого индивида, пронизанное оптимизмом, противостояло всему строю феодально-церковного миропонимания.

В буйных всходах передовой мысли той эпохи явственно обозначились и ростки новых воззрений на историю. Ее главное достижение в этой области — начало секуляризации исторической мысли, стремление к рациональному объяснению событий. Некоторые наиболее глубокие умы среди гуманистов — достаточно назвать Никколо Макиавелли (Италия), Жана Бодена (Франция), — отказываясь от провиденциализма, не ограничивались уже прагматическим описанием событий; они хотели выявить общие внутренние закономерности в истории. Гуманисты сделали важный шаг вперед также и в области содержания и техники исторического исследования. Они отказались от традиций средневековых хронистов с их делением истории на четыре «мировые монархии» и наметили трехчленную периодизацию истории (Флавио Бьондо, Италия) — на древнюю, среднюю и новую, — окончательно установившуюся позднее, с XVIII века. Историки-гуманисты значительно расширили круг источников, неутомимо разыскивая древние рукописи, и, что особенно важно, положили начало рациональной критике текстов, освобождению истории от груза легенд и богословских домьслов; ярким тому примером служит труд Лоренцо Валла, доказавшего подложность знаменитого «Константинова дара».

И все же историческое творчество гуманистов являлось лишь первым шагом; разрыв со старым был начат, но не проведен последовательно. Воззрение гуманистов на историю было еще не вполне свободно от влияния теологических доктрин. И это естественно: слишком сильно давили тысячелетние феодально-богословские традиции; развитие нового способа производства, идейным отражением которого была возникающая передовая мысль, не стало еще неодолимым потоком, угрожавшим самому существованию феодального строя. В целом гуманистическая историография представляла собой лишь зачаточную форму научного знания в истории.

В конце XVI и в XVII столетиях в идейной жизни Европы обозначился новый важный этап, связанный с глубокими экономическими и социальными сдвигами. Уверенней становилась поступь утверждавшихся в европейских странах капиталистических отношений. Правда, их первые огни в Италии погасли под натиском своеобразной феодальной реконкисты; потускнел и яркий светоч итальянского гуманизма. И тем не менее в целом идейное движение, рожденное успехами капитализма и первыми победоносными буржуазными революциями, подрывало коренные основы церковно-феодального мирозерцания. Центрами передовой общественной мысли в конце XVI и в XVII веке стали Англия и Голландия, первые буржуазные страны; важнейшим ее достижением явились успехи естественных наук и материализма в философии. Развитие естественных наук — физики, астрономии, физиологии, особенно механики — оказало громадное воздействие на социологические идеи; шел «могущественный ток к обществуведению от естествознания»². Передовые мыслители этой эпохи стремились создать науку об обществе, основанную на точном, естественнонаучном методе, лежащем в основе науки о природе, применить к изучению общества принципы естественных наук; понятие «социальная физика» рельефно отражает это стремление.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 176.

Мощный толчок развитию социологической мысли дала Английская буржуазная революция XVII века. Теория общественного договора получила радикальное толкование, переросла, в особенности у революционеров-демократов (левеллеры, Джон Лильберн), в идею народного суверенитета. Вместе с тем — и это важно подчеркнуть — накал социальной борьбы заострил внимание мыслителей на проблемах собственности, породил попытки связать с этими проблемами явления общественно-политической борьбы и формы государственного устройства (Дж. Гаррингтон). В ходе революционного конфликта возникли сочинения, в которых исторический опыт использовался для обоснования позиций борющихся сторон. В противовес историкам-индепендентам (Дж. Мильтон, Дж. Спригге) монархист Кларендон создал свою «Историю мятежа», отвергающую причинность, обоснованность буржуазной революции в Англии. Мысль Кларендона о «случайном» характере революционного скачка прочно и надолго вошла в арсенал английской буржуазной историографии. Идеи, родившиеся в годы английской революции, а затем в ходе общественно-политической борьбы послереволюционных лет (учение Джона Локка о материальной, опытной природе человеческого знания), оказали глубочайшее влияние на последующее развитие передовой социологической и исторической мысли. Идеология французского Просвещения XVIII в. своими корнями тесно связана именно с передовой английской мыслью XVII столетия.

В области же собственно исторического знания XVII столетие отмечено главным образом попыткой укрепления теологических, провиденциалистских воззрений, связанной с деятельностью эрудитов. Именно в это время (а отчасти и позднее, в XVIII в.) монахи некоторых орденов, главным образом иезуиты и бенедиктинцы, предприняли большую, хорошо организованную работу по собиранию, обработке и публикации исторических документов, в особенности средневековых. Были изданы обширные собрания документов, разработаны начала вспомогательных исторических дисциплин — палеографии, дипломатики, сфрагистики и других, предприняты первые опыты коллективной публикаторской работы. Деятельность эрудитов была подчинена задаче — поставить исторические материалы, а отчасти и выработанные гуманистами приемы исторической критики на службу католицизму, борющемуся за восстановление позиций, подорванных гуманизмом, «свободомыслием» XVII века. Произведения эрудитов были пронизаны самыми примитивными богословско-католическими представлениями об истории.

Но процесс развития передовой мысли был уже необратим. В течение следующего, XVIII столетия развитие капитализма шло нарастающими темпами не только вширь, но и вглубь. Начало промышленной революции в Англии, заметные экономические сдвиги в других странах, победа буржуазной революции в Северной Америке, назревание буржуазной революции во Франции — все это лежит в основе дальнейшего подъема передовой общественной мысли. В XVIII в. развивается широкое, многогранное прогрессивное движение, вошедшее в историю под именем Просвещения.

Велики достижения просветителей в области истории и социологии. Прежде всего это разрыв с теологической интерпретацией истории, гораздо более радикальный, чем у гуманистов XV—XVI вв. и рационалистов XVII века. Просветители стремились объяснить события человеческой истории естественными, земными причинами; божественному откровению, обращению к потусторонним силам они противопоставили рационализм, убеждение в безграничности творческих возможностей человеческого разума, его способности познать законы природы и общества. Итогом социологических построений просветителей был вывод, что должен существовать «разумный», соответствующий «природе человека» общест-

венный порядок, при котором все естественные права людей — на свободу, равенство и т. п. — нашли бы свое наиболее полное осуществление. Большинство просветителей верило в наступление такого порядка. Исторический оптимизм, убеждение в том, что прогресс культуры должен привести к прогрессу социальному и политическому, присущ их воззрениям. Создание буржуазной теории прогресса, развивавшейся особенно такими мыслителями, как Тюрго, Вольтер, Кондосэ, Гердер, Джефферсон, — крупнейшее достижение социологической мысли Просвещения. Вместе с тем уже в это время выдающийся мыслитель-демократ Жан-Жак Руссо указал на глубокую внутреннюю противоречивость буржуазного прогресса: достижения цивилизации обращаются на благо лишь ничтожного и мущего меньшинства.

Важно отметить и попытки просветителей выявить закономерности общественного развития. Отвергнув провиденциализм и теологию — богословские формы идеи закономерности, просветители выдвинули идею объективно присущих человеческому обществу законов, выражающих определенные постоянные отношения в природе и обществе. «Я установил общие начала, — писал виднейший представитель старшего поколения просветителей Шарль Монтескье, — и увидел, что частные случаи как бы сами собой подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона»³. При этом понятие закона у Монтескье нередко приобретает материальную основу: на общественное развитие, по его мнению, с определяющей силой воздействуют природные условия, а также «способ добывания средств к жизни». Наряду с механистической трактовкой общественной закономерности у просветителей появляются уже и элементы понимания исторического развития как органического процесса развития от низшего к высшему⁴.

Просветители расширили проблематику исторического знания, и прежде всего географически, пытаясь преодолеть европоцентризм и выдвинув понятие всемирной истории как истории всех народов, стран Запада и Востока, передовых и отсталых. Вместе с тем просветители вовлекли в сферу интересов истории и новые области общественной жизни — факты экономической и социальной истории, выдвинули сравнительный метод в изучении истории. Наконец, на значительно более высокий уровень они подняли историческую критику документов. Крупнейший историк среди просветителей, Вольтер, автор ряда крупных исторических трудов — «Век Людовика XIV», «Обзор века Людовика XV», «История России в царствование Петра Великого» и др., — смело разорвал традиционный круг явлений и событий, в котором вращалась феодально-церковная историография. От правителей, полководцев, описаний войн и придворных интриг он обратился к истории культуры в самом широком смысле слова. «Я вижу почти всюду только историю королей, — писал он, — я хочу написать историю людей». Историк должен изучать «обычай, законы, нравы, торговлю, финансы, сельское хозяйство, население»⁵.

Разрывая с теологическим объяснением истории, просветители объясняли исторические явления земными, эмпирическими причинами — страстями, мнениями, стремлениями людей, их предрассудками и ошиб-

³ Ш. Монтескье. Избранные произведения. М. 1955, стр. 159.

⁴ Важно назвать в этой связи имя Джамбаттиста Вико (1668—1744), выдающегося итальянского мыслителя, хотя его и трудно отнести к просветителям в собственном смысле слова. Его взгляды сложны, подчас причудливо противоречивы, в них еще силен теологический элемент. Но его историческим идеям как раз присущ тот историзм, которого не хватало рационалистическим построениям XVII—XVIII вв., подход к истории как к живому и органическому процессу. К. Маркс находил в работах Вико «не мало блесков гениальности» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 399).

⁵ Цит. по: К. Н. Дер ж а в и н. Вольтер. 1946, стр. 247, прим. 3.

ками. Для своего времени подобный подход был немалым шагом вперед в развитии общественной мысли. Однако при этом действительные движущие силы исторического развития оставались скрытыми для просветителей. Элементы материалистического, а подчас и диалектического подхода к истолкованию истории оставались догадками, отдельными прозрениями, важными, но все же не определяющими нарушениями общего идеалистического фона идейной жизни эпохи. Взгляд просветителей на историю, проникнутый рационализмом, был, по существу, чужд историзму, представлению об истории как смене закономерно обусловленных этапов развития человечества. Новый, соответствующий природе человека общественный порядок может быть создан, полагали просветители, в любой исторический период — достаточно, чтобы люди, а прежде всего законодатели, избавились от невежества, поняли необходимость установления нового порядка. Не удивительно, что средние века многие просветители в пылу борьбы с феодализмом объявляли «противоестественной» ступенью, «ошибкой» человечества. Социологические и исторические взгляды представителей буржуазного крыла просвещения отражали и неизбежную узость их классового кругозора. Идеальный, «естественный» общественный порядок просветителей представлял собой в конечном счете лишь идеализированное буржуазное общество, которое и провозглашалось, таким образом, конечной целью «социального искусства». Считая, что важнейшим условием его установления является мудрая законодательная деятельность просвещенных правителей, они неизбежно приходили к тому, что активным движущим началом исторического прогресса являются лишь просвещенные верхи общества.

Правда, некоторые буржуазные мыслители уже приближались к пониманию исторического значения революционного насилия. В предреволюционной Франции 70—80-х годов в период грозного нарастания социально-политического конфликта и под воздействием опыта революции в Северной Америке создается «История обеих Индий» аббата Рейналя. Автор называет здесь бунт «единственным средством», остающимся в распоряжении народов в странах, где у кормила власти стоят феодальные деспоты. Из-за океана гимном революции звучит «Здравый смысл» Томаса Пейна, в котором обосновывалось право на восстание против абсолютизма. Представители демократического крыла просветительства, отражая растущий социальный протест народных масс, сумели уже в XVIII в. дать критику пороков буржуазной цивилизации и подойти к пониманию непримиримости классовых противоречий в обществе, основанном на частной собственности. Воплощая, хотя и в разной степени, в литературную форму протест обездоленных масс города и деревни, испытывавших, помимо феодального, также гнет нарождавшихся капиталистических отношений, Мелье, Мабли, Руссо и некоторые другие мыслители уже не довольствовались критикой феодальных порядков и направляли огонь против классового общества, эксплуататорского строя как такового. Главной мишенью их нападок становится частная собственность.

Идейным центром просветительской мысли XVIII в. была Франция. В условиях назревания буржуазной революции здесь совершалась подлинная «революция в умах», и отмеченные выше основные черты просветительства именно во Франции проявились с классической ясностью. XVIII век, отмечал Ф. Энгельс, был «преимущественно французским веком» задолго до великой революции, венчающей конец столетия⁶. Общественная мысль Франции оказывала могучее воздействие на просветителей других стран.

Боевой, а подчас и революционный характер носили просветительские идеи в Северной Америке, где победила в 70-х годах буржуазная

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1952, стр. 88—89.

революция; формируясь под сильным воздействием английской и французской мысли, они, в свою очередь, оказали плодотворное влияние на европейских мыслителей. Бурной была вторая половина столетия и в России. Начавшееся разложение крепостничества привело здесь к зарождению просветительской антифеодалной идеологии, оказавшей мощное влияние на русскую историографию. В условиях обострения кризиса феодально-абсолютистского строя, великой крестьянской войны под руководством Пугачева возникает революционная социологическая концепция А. Н. Радищева, заостренная против самодержавия и крепостного рабства.

В иных условиях развивалась просветительская историография в Англии: героическое время английской буржуазии было в прошлом, она достигла экономического господства, начавшаяся промышленная революция уже порождала пролетариат и острые социальные конфликты. Английское Просвещение более благонамеренно, но именно здесь мыслители делают наиболее интересные попытки экономической анатомии буржуазного общества и написания экономической истории. Шотландские историки Дж. Миллар, У. Робертсон и примыкавший к шотландской «школе» Адам Смит предприняли попытки установить связи между материальной жизнью общества и его гражданскими учреждениями, а также жизнью духовной. Происхождение гражданской власти и гражданского неравенства, возникновение культур шотландцы сплошь и рядом связывали в своих трудах с появлением и ростом собственности, ростом и распределением материальных благ.

Идеи Просвещения пробивали дорогу и в историографии германских государств. Но общая отсталость страны; засилье мелкодержавного абсолютизма, отсутствие широкого прогрессивного общественного движения вели к тому, что эти идеи теряли боевой антиклерикальный дух и приобретали часто своеобразный религиозно-мистический оттенок.

Идеи просветителей стали знаменем передовых сил в годы Великой французской буржуазной революции. Вместе с тем в ходе ее были развиты и углублены некоторые важные достижения исторической и социологической мысли Просвещения. Крупным историком проявил себя в этот период Антуан Барнав (1761—1793), выдвинувший в своем «Введении во французскую революцию» плюралистическое объяснение движущих сил исторического процесса. Материальные факторы, согласно его концепции, в конечном счете определяют закономерность смены политических, общественных форм. Развитие промышленности и движимой собственности вместе с ростом влияния и силы «народа» (буржуазии) обусловило падение мощи и влияния аристократии, связанной с обладанием собственностью недвижимой, то есть земельной. Барнав утверждал правомерность «демократических взрывов» — английской и французской буржуазных революций. Еще более решительной, классово-заостренной была историческая концепция Ж.-П. Марата, первым из якобинцев увидевшего во французской революции борьбу различных социальных групп и обосновавшего историческим материалом необходимость продолжения и углубления революции в интересах широких плебейских масс. Высшим выражением революционного осмысления исторического процесса в период революции явилось учение предпролетарских революционеров. Готовясь к практическому осуществлению коммунистической революции, их вождь Грахх Бабеф увидел всю историю человечества как борьбу классов — неимущих и угнетателей-богачей.

Просвещение во многом исчерпало себя в Великой французской буржуазной революции. Практическая реализация его идеалов, построение «государства разума и вечной справедливости» обернулись на деле буржуазным правопорядком, еще более углублявшим пропасть между богатством и бедностью, усугублявшим угнетение и нищету народных масс. С другой стороны, наиболее смелые чаяния просветителей левого крыла,

нашедшие временное осуществление в эпоху якобинской диктатуры, мощный взлет революционной инициативы низов как ответ на призыв сплотиться вокруг этой программы внушали страх европейской буржуазии. Подобный неожиданный результат реализации просветительской идейной платформы настораживал буржуазию против многих ее сторон, если не против всего наследия Просвещения. Однако, несмотря на это, дальнейшее поступательное развитие исторической и социологической мысли в XIX в. во многом опиралось на идейные завоевания Просвещения. Весь XIX век, писал В. И. Ленин, «прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили...»⁷. Особенно в первой половине XIX в. все радикально-буржуазные и революционно-демократические движения против абсолютизма и его бюрократически-полицейского аппарата, против крепостничества, сословных привилегий и прочих пережитков феодализма вдохновлялись идеями и примером французской революции. Борьба буржуазной демократии против клерикально-дворянской реакции, последовавшей за окончанием наполеоновских войн, получила яркое отражение в художественной литературе и в общественных науках, прежде всего в историографии, где произошло в связи с этим резкое размежевание двух направлений — реакционно-аристократического и буржуазно-либерального, а также радикально-демократического.

Буржуазно-либеральная историческая мысль приобретает в 20—40-х годах XIX в. господствующее значение, поскольку она явилась порождением самого исторического процесса — неудержимого капиталистического развития. Вслед за Англией промышленная революция начинает в первой половине XIX в. свое победоносное шествие по европейскому континенту, способствуя подъему буржуазной идеологии, ее внедрению во все сферы идейной жизни, включая историографию. При этом господствующей формой общественной мысли в публицистике, художественной литературе, искусстве был романтизм. Он наложил сильный отпечаток и на общественные науки.

Нужно различать романтизм реакционный, дворянский, и либерально-буржуазный. Первый характеризуется полным разрывом с идеями XVIII в., с «духом» Просвещения и французской революции. Вражде революционной буржуазии XVIII в. к обветшавшим феодально-абсолютистским порядкам, ко всей средневековой исторической традиции реакционно-дворянские романтики противопоставляли идеализацию старины, апологию средневековья; атеизму или рационалистической религии деизма — ханжеско-мистическую религиозность, преклонение перед «духовными ценностями» католической церкви; механистическому рационализму Просвещения — философские идеалистические системы; вере передовых сил XVIII в. в могущество разума, в бесконечный прогресс человеческого гения — пренебрежение к разуму, неверие в прогресс, проповедь решающего значения в жизни общества и отдельного человека чувства, интуиции. Либерально-буржуазные мыслители 20—40-х годов XIX в. значительно ослабили реакционные черты дворянского романтизма, выдвинув на первый план разработанное романтиками понятие нации как исторически сложившейся индивидуальности, учение о самобытном развитии, сообразно «народному духу», национального государства и национальной культуры. Их отношение к наследию XVIII в. не было таким абсолютно отрицательным, как у дворянских романтиков, наоборот, они стремились синтезировать некоторые идеи просветителей с наиболее плодотворными положениями, выдвинутыми романтизмом.

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 342.

Особенно большое значение среди этих последних положений имел историзм. Главным его содержанием являлось понятие постепенного развития (эволюции). Историзм включал в себя требование генетического анализа каждого явления, то есть выяснения всех этапов его развития, начиная с зарождения, что, в сущности, означало замену абстрактных методов мышления конкретными. В романтическом историзме было немало реакционных элементов: признание революции «аномалией», якобы нарушающей принцип исторического развития; оправдание любых гнусностей существующего режима их историческим происхождением и мнимым соответствием «народному духу»; понимание идеи развития только как развития идеи, а преемственности развития — как преемственности идей. Тем не менее историзм во многих отношениях был ценным достижением общественных наук. Внешним выражением торжества историзма в первой половине XIX в. было всеобщее увлечение историей, о чем свидетельствовали почти повсеместное появление исторических обществ, исторических журналов, исторических музеев; публикация обширных серий источников национальной истории; быстрый рост исторической научной и научно-популярной литературы; необычайный успех исторических романов Вальтера Скотта и его подражателей; увлечение исторической тематикой в поэзии, театре, живописи. За XIX столетием утверждается в это время репутация «исторического века», противопоставляемого «анти-историческому» веку Просвещения.

Важное значение для плодотворного развития исторического знания имело в эти годы наряду с историзмом учение о диалектическом характере всемирно-исторического развития. Диалектика как форма движения исторического процесса была разработана немецкой классической философией, прежде всего Гегелем, в чисто идеалистическом духе, то есть как борьба не в материальном мире, а исключительно в мире идей. В целом же принципы гегелевской диалектики, не говоря уже о величайшем значении, которое они приобрели после их материалистического преобразования К. Марксом и Ф. Энгельсом, даже в идеалистической форме были большим достижением.

Во Франции в противовес историкам дворянско-монархической реакции — Л.-Г. Бональду, Ф. Шатобриану, Ф.-Д.-Р. Монлозье, продолжавшим прерванную французской революцией линию развития феодальной историографии XVIII в. (идея о бесплодности всех революций в «Опыте о революциях» Шатобриана подводила методологическую основу под восхваление «старого режима» и «дворянских доблестей» у Бональда и особенно у Монлозье), выступили «отец» теории классовой борьбы во французской историографии О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье, А. Тьер. Превращение исторической науки в поле острейших идейно-политических столкновений, на котором идеологи либеральной буржуазии давали яростный отпор феодальной реакции, обострило научное видение этих историков, усилило их способность проникать в глубины исторического процесса. Опровергая исторические построения реакционеров, защищая наследие французской революции конца XVIII в., Тьерри видел в общественном развитии процесс непрерывной классовой борьбы, по существу, борьбы растущего «третьего сословия» против угнетателей-феодалов, хотя и представлял эту борьбу в своеобразной расовой или национальной форме. Дополняя Тьерри, Гизо указывал на имущественные отношения как на основу классовых различий. В произведениях историков Реставрации буржуазная историческая наука достигла своего наиболее высокого выражения.

Крупнейшие представители господствовавшего в первой половине XIX в. в английской историографии вигского направления Т. Б. Маколей и Г. Галлам, признавая неизбежность общественных преобразований, искали в истории аргументы в пользу умеренных реформ. Блестящий литературный талант Маколея, его огромная историческая эрудиция не могут

заслонить того бесспорного факта, что его главный труд «История Англии от воцарения Якова II» — всего лишь дифирамб «славной революции» 1688 г. с ее мирным, компромиссным характером. В противовес этим историкам — апологетам торжествующего буржуазного общества — радикальный демократ У. Коббет в своих исторических и публицистических работах гневно бичевал пороки «нового промышленного строя», клеймил алчность «хозяев страны» — крупнобуржуазных элементов и земельной аристократии.

Наибольшие усилия дискредитировать идеи Просвещения были сделаны в Германии — стране, где страх реакционного дворянства перед призраком революции соединился с озлоблением отсталой и робкой буржуазии, смертельно напуганной якобинским террором и войнами сначала революционной, а затем наполеоновской Франции. Германия первой половины XIX в. дала Европе таких, например, столпов реакционной романтики, как Ф. Новалис, братья А. и Ф. Шлегели; певцов феодального средневековья из «нарративной» (описательной) школы: Ф. Риса, Б. Менцеля, Г. Лео; «патриарха» реакционной воинствующе-идеалистической историографии Леопольда фон Ранке. В «классических» произведениях Ранке: «История пап», «История Германии в эпоху Реформации», «История Франции в XVI—XVII вв.», «История Англии в XVII в.» — пропагандировались культ государства (борьба государств за политическое первенство, захватнические войны, по мнению Ранке, — движущая пружина «гармонического развития наций»), воинствующий шовинизм, отвращение к массовым движениям. Известным положительным моментом в творчестве Ранке явилось его обращение к огромному архивному материалу — отечественному и зарубежному. Но вышедшие из руководимого им с 1834 г. в Берлинском университете семинара такие крупные профессиональные историки, как Г. Зибель, Г. Вайц, В. Гизебрехт и многие другие, переняли не только методы источниковедческой работы Ранке, но и его крайне реакционные теоретические установки. Реакционерам в области историографии противостояло робкое и непоследовательное либеральное (К. Роттек, Ф. Раумер, Ф. Дальманн) и значительно более жизнестойкое демократическое направление. Последнее, представленное в основном Гейдельбергской школой, сохраняло прочную идейную связь с Просвещением. В трудах ее основателя Ф. К. Шлоссера, поклонника Великой французской буржуазной революции и демократических свобод, на первом месте стоят прогресс человечества, борьба народов против разных форм насилия, тирании правителей. Ученики Шлоссера, прежде всего Г. Гервинус и В. Циммерман, с честью продолжали дело своего учителя. В работе «История крестьянской войны» (1841), фактический материал которой широко использовал Ф. Энгельс, В. Циммерман впервые отметил принципиальное сходство трех великих революций: германской 1525 г., английской XVII в. и французской конца XVIII века.

В США историки так называемой «ранней» школы восприняли один из принципов романтизма — «культ героев», но он получил на американской почве республиканское звучание. Характерные для романтизма обращение к прошлому, внимание к «национальному духу» преломились в Америке в поэтизацию войны за независимость США. Крупнейший американский историк первой половины XIX в. Дж. Банкрофт в десятитомной «Истории Соединенных Штатов» впервые представил историю США не как разрозненное собрание сведений о политической истории отдельных североамериканских колоний, а как историю американской нации, в которой подчеркивалась ведущая роль колоний Новой Англии. Но уже в этот период мысль об особенностях национального развития США переросла в исторических трудах в учение об исключительности «избранного народа» — переселенцев-пуритан.

Отход от просветительских идей, симпатии к реакционной роман-

тике характерны также для русской дворянской историографии (Н. М. Карамзин с его «Историей Государства Российского», затем так называемое официальное направление во главе с М. П. Погодиным, стремившееся «отделить» историю России от западноевропейского исторического процесса с его революциями, исторически обосновать тезис об «исключительности» ее исторического пути). Официально-враждебному отношению к идеям французской революции противостояла историческая концепция первого поколения русских революционеров-декабристов, включивших в свой арсенал многие передовые идеи века Просвещения. В 30-40-х годах XIX в. в связи с углублением кризиса самодержавно-крепостнических порядков на передний план в русской историографии выступило либерально-реформаторское крыло, которое представляли Т. Н. Грановский, М. С. Куторга, П. Н. Кудрявцев, использовавшие свои занятия античностью и средневековьем для критики самодержавия и крепостничества. Гораздо более решительно проявила себя революционно-демократическая тенденция в исторической мысли. В. Г. Белинский и А. И. Герцен, ссылаясь на примеры из истории Запада, развивали и отстаивали идею неизбежности и правомерности народной революции против отжившего строя.

В Польше протест против гнета царизма придал историографии резко обостренное чувство национальной самобытности. Тем не менее, несмотря на эту общую черту, в польской историографии было легко различить либо реакционно-дворянскую, либо буржуазно-либеральную систему взглядов. В 30—40-х годах усиление польского национально-освободительного движения, расширение его социальной базы привели к выделению из ранее господствовавших направлений революционного романтизма, блестящим представителем которого был выдающийся историк Иоахим Лелевель (1786—1861).

Помимо романтизма, уже в первой половине XIX в. в идейной жизни и в историографии развитых государств наметилась и другая, еще слабая, но вполне осязаемая тенденция. Она свидетельствовала о росте в обществе новой социальной силы, стремившейся, пока еще на ощупь, создать свою систему взглядов, построить свое собственное историческое миропонимание, классово заостренное против набравшего силу исторического мировоззрения буржуа. Формирование фабричного пролетариата, обострение борьбы между капиталом и трудом, пауперизация широких трудящихся масс — все эти неизбежные спутники становления и укрепления капиталистического строя стимулировали развитие социалистической мысли, зачатков великой освободительной теории пролетариата, разработанной К. Марксом и Ф. Энгельсом. Нотки социального протеста нового класса слышатся уже в философско-исторических построениях великих утопистов-социалистов (уже в начале XIX в. в своих «Письмах женевого обывателя» Сен-Симон развивал идею о социально-классовых противоречиях внутри «третьего сословия»), в исторических трудах представителей французского утопического коммунизма (например, в четырехтомной «Народной истории французской революции» Э. Кабе, проникнутой глубоким пониманием и сочувствием к борьбе масс и завершающейся гимном коммунистическому переустройству, во имя которого отдал жизнь Бабеф). Еще более определенно зазвучал голос рабочего класса в революционной публицистике и в первых исторических произведениях чартистов. В блестящем труде Дж. Б. О'Брайена «Биография Робеспьера» (1837) развернулась грандиозная картина народной революции во Франции и реабилитировалась одна из ее центральных фигур, оклеветанная реакционными и либеральными историками и публицистами. Пока еще слабый вызов, брошенный буржуазии в области идеологии, обещал сделаться значительно более грозным по мере дальнейшего обострения классового конфликта между буржуазией и пролетариатом.

Переломным моментом в судьбах общественных наук явилась середина XIX столетия. Тогда в развитии исторической науки произошел величайший революционный переворот. Созданная в основных чертах в 1843—1845 гг. основоположниками научного коммунизма, великими учеными и вождями рабочего класса К. Марксом и Ф. Энгельсом теория исторического материализма открыла подлинные закономерности и движущие силы исторического развития человечества и тем самым впервые указала «путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»⁸. Разработанное К. Марксом и Ф. Энгельсом понимание исторического развития общества превратило историографию в подлинную науку. Марксистское учение об общественно-экономических формациях дало возможность рассматривать всемирную историю как естественно исторический процесс восхождения человечества по ступеням развития от низших форм к высшим. В результате возникла теория научного коммунизма как прямое продолжение и критическое развитие передовой общественной мысли предшествующих эпох.

Существовала определенная историческая закономерность в том, что это величайшее научное открытие XIX в. было сделано прежде всего в области исторической науки. Развитие общества в разные эпохи ставит в центре общественной мысли различные науки в зависимости от характера самой эпохи, от ее исторических задач, от содержания борьбы классов. С конца XVIII в. революционные потрясения и стремительные перемены в судьбах отдельных стран и народов приковали внимание общественной мысли к задаче объяснения исторических событий, к необходимости постигнуть их движущие пружины. Направление исследований и борьба мнений в историографии первых десятилетий XIX в. фактически определялись этими вопросами, которые сводились в конечном счете к проблеме закономерности исторического процесса. Идее закономерности прокладывала путь прежде всего классовая борьба внутри развивавшегося капиталистического общества — борьба буржуазии и ее идеологов против феодализма и дворянской реакции и в еще большей степени классовая борьба пролетариата и трудящихся масс против самой буржуазии.

Совершенный марксизмом гигантский скачок в историческом познании явился результатом выхода на историческую арену величайшего революционного класса — пролетариата. Если исторической мысли буржуазии понадобилось почти два столетия, чтобы достичь полной зрелости, то историческая мысль пролетариата развивалась гораздо стремительнее и достигла своей зрелости в течение немногим более полувека, с конца XVIII до середины XIX столетия. В своей исторической теории пролетариат неразрывно соединил революционный опыт всех стран и высшую научность. Тогда как у буржуазии в области исторических наук «вместе с классической философией совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования», пролетарская историография показала, что «чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих. Найдя в истории развития труда ключ к пониманию всей истории общества, новое направление с самого начала обращалось преимущественно к рабочему классу и встретило с его стороны такое сочувствие, какого оно не искало и не ожидало со стороны официальной науки»⁹. Это новое направление получило накануне революции 1848 г. цельное выражение в «Манифесте Коммунистической партии», где содержалось материалистическое объяснение всей новой истории. Вслед

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 41. Детальное освещение деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса как историков нового времени см.: Н. Е. Застенкер. Проблемы исторической науки в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. «Вопросы истории», 1964, № 6.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 316—317.

за тем материалистическое понимание истории прошло свою первую проверку и суровое испытание в ходе революций 1848—1849 гг., которое дало блестящие результаты и подтвердило правильность открытых К. Марксом и Ф. Энгельсом законов исторического развития. В то же время исторический опыт буржуазно-демократических революций середины XIX в. вызвал глубокое потрясение всей дворянской и буржуазной исторической мысли. Революции 1848 г. смертельно ранили старый идеализм с его умозрительными теориями общественного развития. Окончательно выявилась также несостоятельность буржуазных концепций борьбы в истории, сводивших ее к борьбе народа под руководством буржуазии против феодальной аристократии. Ход революций 1848—1849 гг. обнаружил глубину социальных противоречий в самом «народе», показал определяющее значение экономических классовых интересов, потенциальные силы демократических движений масс и социалистических устремлений пролетариата.

Наглядное банкротство старых идеологических течений побуждало господствующие классы к поискам новых философских и социологических основ идеологической реакции, которые должны были служить средствами борьбы с материализмом, а революционной идеологией. Эти средства должны были вместе с тем соответствовать новой обстановке развития капитализма и новым потребностям буржуазии, диктовавшимися этой обстановкой. Экономический подъем капитализма, наступивший с 50-х годов, привел к завершению промышленного переворота в странах Западной Европы и к его распространению на ряд других стран. Экономический и технический прогресс капитализма намного усилил «ток от естествознания к обществоведению». Достижения точных и инженерных наук еще сильнее внушали мысль о важнейшем значении положительных знаний, основанных на изучении точных фактов, а успехи естественных наук, особенно геологии и биологии в связи с появлением дарвиновской теории, ставили в центре идеологической борьбы идею органической эволюции и утверждали с большой силой принцип историзма в науке. Буржуазная историография приходила к выводу, что необходимо отбросить спекулятивные исторические построения классической идеалистической философии и заменить их идеями, более соответствующими духу времени. Во второй половине XIX в. во всех капиталистических странах развернулась критика априорных конструкций философско-исторической метафизики, сопровождавшаяся призывом к установлению объективных исторических фактов и достижению положительных исторических знаний. В Англии, Франции, Германии в 50—60-е годы развивались новые исторические концепции, которые были направлены против материализма и подчас соединяли требование «объективного» изложения исторических событий с субъективным идеализмом, апологетикой буржуазного государства и национализмом.

Характернейшим воплощением новых тенденций и исканий буржуазной историографии были ее позитивистские идеи. Основы позитивизма закладывались еще в 40-х годах XIX в., но только в последующие десятилетия позитивизм приобрел развитый характер и подлинно международное влияние. Позитивистские идеи О. Конта подхватывались и разрабатывались не только его французскими учениками — Э. Литтре, И. Тэнном и другими, — но и английскими и немецкими философами, экономистами и историками. Видными теоретиками этих идей являлись Г. Спенсер, Г. Бокль, Дж. Ст. Милль, Г. Шмоллер, К. Лампрехт. Благодаря их сочинениям позитивизм в последней четверти XIX в. стал наиболее популярным направлением в буржуазной историографии. Будучи распространенным во многих странах, он оказался лишенным внутренней цельности и единства, которые в той или иной мере были присущи системам классической буржуазной философии и философии истории. Противоречивость позитивистских исторических теорий и воз-

зрений наглядно сказывалась в национальных историографиях, отражавших своеобразие классовых отношений, особенности политики и позиции господствующих классов каждой страны. Вместе с тем проступали наружу и некоторые общие черты и классовые тенденции, характерные для позитивистской историографии в целом. Принципом положительного исторического знания позитивизм объявлял установление и описание «положительных», точных фактов, отказ от абстрактных, умозрительных построений, пренебрегающих исторической действительностью. Культивируя требование тщательной проверки исторических фактов и их постоянного накопления наукой, критического анализа исторических источников и совершенствования приемов такого анализа, позитивизм делал известный шаг вперед в развитии буржуазной исторической науки.

Самой существенной чертой связанного с этим прогресса был наметившийся в историографии поворот к социальной и экономической истории, которой ранее пренебрегали не только дворянские, но и буржуазные историки. Повысившийся интерес к материальным условиям жизни общества, к проблемам развития промышленности, торговли, аграрных отношений вызывался прежде всего тем, что стадия зрелого капитализма убедительнее, чем когда-либо ранее, демонстрировала важнейшее значение экономических процессов во всей жизни общества. Не только позитивисты в своей теории факторов признавали экономику одним из рычагов исторического развития, но и противники позитивизма среди буржуазных историков призывали обращать особое внимание «на реальные силы» истории, на «материальные условия жизни». Это привело к отмеченному К. Марксом прогрессу в историографии XIX в., который «был достигнут только тогда, когда историки с поверхности политических форм спустились в недра социальной жизни»¹⁰. Позитивистские идеи в историографии скрывали в себе возможность материалистического толкования исторических событий. Так, позитивистский агностицизм в Англии 60—70-х годов, в сущности, представлял, как указывал Ф. Энгельс, своего рода «стыдливый» материализм¹¹. Прогрессивной чертой позитивистской историографии в Италии, Испании, в странах Латинской Америки было и то, что эта историография противопоставляла себя традиционной клерикальной историографии с ее обскурантистской интерпретацией истории.

Но эти положительные элементы развития буржуазной историографии во второй половине XIX в. сплетались и сливались воедино с реакционными идеями. Это относится и к самому позитивизму. Даже теоретики раннего позитивизма (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль), признававшие закономерный характер исторического процесса, в общем представляли его не как результат действия объективных исторических законов общественного развития, а как итог подчинения истории действию небольшого количества неизменных «естественных» законов, как проявление «механической закономерности» и вместе с тем объявляли непознаваемыми сущность и отправные причины исторических явлений. Позитивизм во всех своих вариантах настойчиво отказывался признавать закономерными революционные скачки в истории. Отвергая закономерность революции, историки-позитивисты пытались обосновать концепцию механистического эволюционизма и всячески внедряли в историографию идею постепенности развития. В целом позитивизм сочетал в себе приспособление к успехам научного мышления со стремлением лишить науку ее революционного духа, признание идеи органической эволюции с проповедью постепенности эволюционного процесса, признание значения экономического «фактора» в истории с борьбой

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 434.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 302.

против материалистического понимания истории, объявляя «метафизикой» последовательный материализм.

В Англии второй половины XIX в. относительная политическая стабильность, отсутствие острых социальных столкновений в конечном счете способствовали сохранению за либеральным направлением приоритета в области историографии. Успешно развивается экономическая история, связанная с именами Т. Роджерса и У. Кэннингема. Близкую к действительной картину промышленного переворота в Англии в XVIII в. нарисовал А. Тойнби. Большой резонанс в стране и за ее рубежами вызвало появление «Истории цивилизации в Англии», автор которой, Г. Бокль, исходил из идей закономерности и прогрессивности общественного развития, а также выполненной с демократических позиций «Истории английского народа» Д. Грина. Несколько позднее началось обстоятельное изучение истории рабочего движения, его организации в профсоюзы (С. и Б. Веббы). В связи с ростом и распространением влияния социалистических идей среди авангарда английского пролетариата в Англии появляются первые марксистские работы по истории, принадлежавшие перу Е. Б. Бакса. Вместе с тем деятельность так называемой политической школы историков, апологетически освещавшей историю британских колониальных захватов и сводившей роль истории к «практическому обучению политике» (Д. Сили, Д. Фруд), наглядно свидетельствовала об усилении империалистических тенденций среди некоторой части влиятельных английских исследователей.

Во французской историографии после временного упадка в годы Второй империи, когда господствовал полицейский произвол, а наиболее значительные исторические труды создавались в эмиграции, после жестокой идеологической реакции, последовавшей за разгромом Парижской коммуны, обозначились подъем исследовательской деятельности историков, рост исторического образования, укрепление и расширение организационных центров исторической науки. В противовес историкам-монархистам и клерикалам буржуазные республиканцы и прежде всего А. Олар изучали опыт и пропагандировали традиции буржуазно-демократического переворота 1789—1794 гг., совершенствовали технику исторического исследования. В 70—80-е годы появляется целый ряд работ по истории рабочего движения и прежде всего Парижской коммуны, вышедших из-под пера авторов — демократов и социалистов (книги П. О. Лиссагарэ, Ш. Арну, работа В. Марука об июньском восстании 1848 г.). Ж. Гед и П. Лафарг на страницах органа Рабочей партии «Egalité» развивают марксистскую концепцию истории Франции в новое время.

Наиболее отчетливо сближение либерального и консервативного направлений в историографии выступило в Германии, где союз буржуазии и юнкерства был закреплен после «объединения сверху». Воздействие позитивистских идей было здесь незначительным. Малогерманская историческая школа и ее крупнейшие представители — Г. Зибель, Г. Трейчке, И. Дройзен, — следуя традициям Ранке, поставили в центр изучения прусско-немецкое государство, создавая в своих произведениях легенду о «политической миссии» Гогенцоллернов как «собирателей и объединителей» Германии. В 70—80-е годы она была дополнена легендой об их «социальной миссии»: историки так называемой новой исторической школы в политической экономии (Г. Шмоллер, Л. Брентано), исторически обосновывая необходимость и неизбежность реформ, изображали прусское государство как надклассовую «социальную монархию», действующую в интересах «социальной справедливости». Слабую, «неолиберальную» оппозицию историографии малогерманцев составляли работы известного историка культуры Я. Буркхардта, Э. Готгейна, К. Лампрехта и некоторых других. Наиболее последовательно противопоставляли свою научную концепцию буржуазно-юн-

керскому взгляду на историю первые германские историки — социал-демократы. Большое значение в пересмотре с передовых позиций важных проблем нового времени сыграли работы А. Бебеля, книги К. Каутского о предшественниках научного социализма.

Во второй половине XIX в. продолжала быстро развиваться историческая наука в США, отделившись окончательно от литературы и публицистики, совершенствуя свою источниковедческую базу и исследовательскую технику. Плодотворным стимулом для нее явилась победоносная буржуазно-демократическая революция 1861—1865 годов. Историография находилась на переднем крае идеологической борьбы вокруг вопроса о рабстве негров. Сразу после войны выходят работы крупнейшего американского социолога и историка-позитивиста Д. Дрепера, объяснявшего конфликт между Севером и Югом с позиций географического детерминизма. Появляются обобщающие труды по истории США, локальные истории отдельных штатов. На смену приходящей в упадок романтической «ранней» школе Дж. Банкрофта в 70—80-х годах приходит целая плеяда историков-«европейцев», испытавших влияние позитивизма: Г. Б. Адамс, Д. Фиске и др. Все они, как правило, отличались консерватизмом, преимущественным вниманием к истории идей и политических учреждений. Сочетая увлечение позитивизмом с восприятием многих сторон реакционной малогерманской исторической концепции, ряд американских историков (например, Г. Б. Адамс, Э. Фримэн) пытался найти в Америке колониального периода сходные черты политического устройства с древнегерманскими установлениями англосаксов как «носителей идей индивидуальной свободы», доказать исторически «право» североамериканцев господствовать в западном полушарии. В последние десятилетия XIX в. в США начинают появляться первые труды историков-социалистов.

В России, где систематическое профессиональное изучение новой истории — истории революций и революционных движений по преимуществу — практически находилось под запретом, немало сделали для разработки этой проблематики революционные демократы, особенно Н. Г. Чернышевский. Рассматривая с позиций признания решающей роли масс в историческом процессе революции во Франции в конце XVIII в., в 1830 и 1848 гг., они обосновывали их закономерность и прогрессивность, глубоко вникали в экономические и классовые интересы участвовавших в этих переворотах социальных групп. Вместе с тем они уже понимали социально ограниченный характер этих революций, порождающий необходимость дальнейшей борьбы трудящихся масс. Русская университетская наука смогла приступить к рассмотрению проблематики новой истории непосредственно лишь с 70-х годов. Тем не менее выступавшие в период подъема демократического движения либеральные историки (М. Петров, В. Бауер, И. В. Лучицкий, Н. И. Кареев) в освещении некоторых важных сторон исторического процесса пошли дальше, чем многие их коллеги на Западе. Так, в работе о Томасе Мюнцере Петров показал материальные корни Великой крестьянской войны в Германии — «тяжкую материальную нужду, голод, мор, невыносимые притеснения», хотя и высказывался против революции, за реформу. В 1879 г. в Москве вышла известная работа Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.», заостренная против тезиса А. Токвиля, утверждавшего, будто перед 1789 г. феодализм во французской деревне уже изжил себя и сходил на нет сам собой. В это же время появляются работы Лучицкого по истории религиозных войн во Франции, написанные в основном под влиянием либеральных традиций школы историков Реставакции и контовского позитивизма.

Вместе с тем в последние десятилетия XIX в. в буржуазной историографии стала более заметной реакционная линия. Парижская коммуна 1871 г. и последовавший через десятилетие новый подъем рабочего и

социалистического движения в капиталистических странах, громадное распространение марксизма вширь — все это не могло не оказать воздействия на буржуазную историческую мысль. В борьбе с марксизмом и революционным пролетарским движением возникали и новые разновидности позитивизма, подделывавшиеся под материализм и прятавшие свой идеализм «за яковы материалистическую терминологию»¹². К таким ответвлениям позитивизма можно отнести возникший под напором пролетарского движения буржуазный «катедер-социализм», а также связанное с ним направление «экономического материализма», искажавшее сущность материалистического понимания истории и служившее прикрытием и обоснованием реформизма в рабочем движении. Буржуазные общественные науки, в том числе историография, к концу XIX в. во многом выродились в разнообразные школы «преодоления марксизма». По меткому наблюдению Р. Люксембург, в Германии вся официальная общественная наука последней четверти XIX в. представляла такую «школу» и «Маркс был тайной причиной всего ее существования»¹³. Весьма характерной в этом отношении явилась разгоревшаяся в конце XIX в. в немецкой историографии методологическая дискуссия в редакции журнала «Historische Zeitschrift», когда против известного историка-позитивиста К. Лампрехта, отстаивавшего, хотя и на идеалистической основе, идею закономерности в истории, выступил сплоченный фронт буржуазных историков. Обвиняя Лампрехта в «материализме», Г. фон Белов, О. Хинце, Г. Онкен и другие объявляли историю субъективной наукой, погруженной в изучение частного. В этом, как и во многих других случаях, атака буржуазных историков на позитивизм имела, по существу, вторую и главную мишень — материалистическое понимание истории, марксизм. По признанию американского социолога Дж. Мэджа, «европейские ученые в прошлом столетии были вовлечены в постоянный спор с материализмом; даже когда противника не называли, можно было уловить фрагменты диалога, нацеленного на марксизм»¹⁴.

Однако важнейшим событием в истории исторической науки этих лет было то, что в борьбе с реакционной тенденцией в историографии к концу XIX в. сложилась марксистская историография, кадры которой заботливо выращивали К. Маркс и Ф. Энгельс и главой которой были они сами. Лучшие представители первого поколения этой школы — Г. Плеханов, Ф. Меринг, П. Лафарг, Е. Б. Бакс, А. Лабриола и другие — выступили с глубокими, блестящими историческими исследованиями, показавшими неизмеримое превосходство научного материалистического понимания истории над идеалистическими и эклектическими концепциями эпигонской буржуазной историографии.

В начале XX в. продолжали организационно совершенствоваться исследовательские центры в академиях и университетах, создавались научные исторические ассоциации, открывались новые журналы, усложнялись приемы и техника научного исследования, накапливались исторические факты, расширялась проблематика и специализация исторического исследования, получили широкое развитие энциклопедические издания. Так было, например, в Англии, где с 1907 по 1912 г. выходила двенадцатитомная серия «Кембриджской истории нового времени», началось продолжающееся и поныне издание многотомной «Викторианской истории (английских) графств». Наряду с двумя прежними очагами исторического исследования — оксфордским и кембриджским — образовался третий центр — в Манчестере, где преобладающее значение получила историко-экономическая тематика. Появляются фундаментальные исследования по социальной истории (серия работ супругов Дж. и Б.

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 316.

¹³ R. Luxemburg. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. II. Berlin. 1951, S. 69.

¹⁴ J. Madge. The Origins of Scientific Sociology. Glencoe. 1962, p. 559—560.

Гаммонд о положении и борьбе трудящихся английского города и деревни в XVIII—XIX вв.), первые серьезные труды по истории колониальной политики («Краткая история английской колониальной политики», «Происхождение и рост английских колоний и системы их управления» Х. Э. Эгертона). Вместе с тем на гребне недовольства самых широких слоев населения все более зримо обозначившимся засильем монополий возникает такая значительная работа, как гобсоновский «Империализм» (1902 г.), автор которой установил связь между империалистической политикой и основными тенденциями в развитии капиталистической экономики.

Во Франции выросшая на дрожжах позитивистской методологии историческая наука на рубеже XIX и XX вв. создает монументальные труды: «Всемирную историю» под редакцией Лависса и Рамбо, крупнейшие конкретные исследования по сюжетам Великой французской буржуазной революции (А. Олар, А. Матъез), по социальной и экономической истории (Э. Левассер, Р. Вейль). Весьма плодотворным вкладом во французскую историографию явилось возглавленное Ж. Жоресом издание многотомной «Социалистической истории с 1789 по 1900 г.». Этот труд положил начало большой работе по пересмотру новой истории Франции с позиций социализма и ознакомлению с ней широких масс французского народа.

В США наряду с многочисленными ценными публикациями документов в начале XX в. вышла в свет многотомная коллективная работа «Американская нация» под редакцией А. Харта. В американской исторической науке под влиянием общественно-политической борьбы в это время заметно усилился интерес к социально-экономической тематике. Буржуазный экономизм в историографии, хотя и не свидетельствовавший об отказе от идеалистического в своей основе миропонимания, проявил себя в эти годы такими значительными явлениями, как труды Ф. Тернера о «подвижной границе» США как важнейшем факторе развития страны в новое время, первая книга Ч. Бирда «К экономическому объяснению конституции Соединенных Штатов» (1913 г.), где в противовес общепринятому среди американских буржуазных историков мнению о внеклассовом, «общенациональном» характере первой конституции США ее создание было показано как результат острых социальных столкновений конца XVIII века. Несмотря на то, что эти историки в силу своей методологической ограниченности не могли нарисовать всю подлинную картину событий во всем их диалектическом многообразии, они глубже, чем другие, проникали в сущность исторического процесса, верно улавливая его отдельные существенные стороны. В это же время в США, так же как и в Англии, «могикане буржуазной демократии» — мелкобуржуазные историки и публицисты разворачивают острую критику разрастающегося господства монополий в экономической жизни страны. В этой связи следует выделить труд одного из «разгребателей грязи», Г. Майерса, «История крупных американских богатств» (1909—1910 гг.), где на большом материале разоблачались методы, которыми добывали свое состояние американские мультимиллионеры.

В России конец XIX — начало XX в. ознаменовались появлением таких крупных трудов по новой истории, как написанная в либеральном духе фундаментальная семитомная «История Западной Европы в новое время» Н. И. Кареева (1892—1916 гг.); четырехтомное «Происхождение современной демократии», автор которого — М. М. Ковалевский — вслед за Кареевым заострял против Токвиля свою концепцию крестьянского вопроса во Франции в канун Великой французской буржуазной революции. В этот же период выходят основные работы другого виднейшего историка «русской школы», И. В. Лучицкого, основанные на колоссальном архивном материале и посвященные состоянию крестьянской земельной собственности во Франции до и после революции конца XVIII ве-

ка. Большое значение имела научная деятельность Е. В. Тарле, выступившего под непосредственным воздействием революции 1905—1907 гг. с глубокими исследованиями о французском рабочем классе периода революции 1789—1794 годов.

Рубеж XIX и XX вв. ознаменовался перерастанием домонополистического капитализма в его высшую, империалистическую стадию. Начавшееся загнивание капитализма, обострение его противоречий, нарастание революционной классовой борьбы пролетариата повлекли за собой и распространение кризисных явлений в духовной жизни, в сфере общественных наук, в том числе и в буржуазной методологии истории. Достижения буржуазной исторической мысли в начале XX в. в Англии, США, Франции, Италии, Польше и других странах были последней вспышкой положительного заряда позитивистской методологии в буржуазной историографии. Уже в это время многие крупные историко-философские и исторические работы несут в себе струю пессимистического мироощущения, глубокие сомнения в поступательном характере общественного развития. Все чаще выдвигается мысль о том, что человечество не может надеяться на лучшее, что оно обречено. Глухая, все нарастающая тревога перед приближением революционной грозы накладывает отпечаток на буржуазную историческую науку. Кризисные явления затронули коренные теоретические основы исторической науки: проблему закономерности развития общества, объективности исторической науки, единства и поступательного характера мирового исторического процесса. В новых условиях начала XX в., когда почва под ногами буржуазии начинает все более явственно колебаться, историческая наука, столь почитаемая и лелеяемая в XIX в., предстает перед ней в совсем ином, обличающем, безжалостно очерчивающем пределы ее существования облике. Если прежде наличие исторической закономерности в жизни общества, идея социального прогресса, казалось, служили буржуазии, обосновывали и утверждали торжествующее развитие капитализма, то чему же будут служить они в момент, когда будущее капитализма обволакивают тучи революции, а в общественном организме все чаще появляются признаки губительного разлада? Доказывать правомерность заката буржуазной цивилизации? И вот буржуазные ученые, сознательно или бессознательно, все чаще обращают свое оружие против основ своей науки: ведь низведенная до уровня собирания отдельных фактов, оплодотворенных ни для кого не обязательным индивидуальным суждением того или иного исследователя, лишенная ранга науки, несущей объективную истину, с точностью отражающей прошлое и настоящее и способной заглянуть в будущее, она уже никого никогда не сможет убедить. Итак, царство хаоса и случайности на место стройного, взаимообусловленного потока истории! Этот намечающийся путь методологического пересмотра основ истории как науки был тесно связан с социальной стороной новых тенденций общественного развития в начале империалистической эпохи.

Начинающийся кризис буржуазной историографии имел, разумеется, не только социальные, но и гносеологические корни. Это был кризис метода буржуазного исторического познания, связанный с крахом позитивистской школы. Появившиеся крупные монографические работы по социально-экономической истории в Англии, многочисленные труды американских и итальянских историков, французские исследования, освещавшие отдельные проблемы социально-экономической истории Французской буржуазной революции и важных сторон истории Франции других эпох,— все они вводили в научный оборот колоссальное число новых фактов, которые свидетельствовали о сложности и противоречивости развития исторического процесса. И эти факты восстали против позитивистской схемы, не укладывались в ее методологическую концепцию. Позитивистская догма, по которой понимание исторического про-

цесса представлялось в виде прямолинейно поступательной эволюции, оказалась не в состоянии объяснить все выявленное историками многообразие, диалектическую связь конкретных фактов исторического развития. Так, столкнувшись с реальностью замедленного исторического развития и даже иногда попятного движения, которые сменяются революционными скачками, после чего неизбежно наступает бурное развитие, позитивистская методология оказалась бессильной объяснить ход исторического развития. Доводы в пользу «мирного» общественного развития опрокинула сама жизнь. Нечто подобное произошло и с буржуазной позитивистской концепцией всемирной истории. Несмотря на предпринимавшиеся в XIX в. попытки вывести историю за рамки европейского континента, она все же в основном оставалась европоцентристской. Научное изучение истории внеевропейских стран, знакомство с их культурой показало полную несостоятельность европоцентризма. Историческое развитие предстало как процесс сложный, складывающийся из многочисленных потоков и ручейков. Однако из этого факта буржуазная наука сделала вывод об отсутствии единства исторического процесса вообще. История предстала перед ней бессвязной коллекцией фактов, сведений из различных областей жизни того или иного народа.

К тому же «наивный оптимизм» прежнего позитивистского мироощущения в новую эпоху был уже неприемлем для буржуазной исторической науки, искавшей более острое оружие исторического скепсиса в борьбе с пролетарской революцией и его могучей научной теорией, семимильными шагами утверждавшей свой приоритет в сфере духовной жизни. Сыграла свою роль и происшедшая в этот период революция в физике, ярко продемонстрировавшая несостоятельность механистического позитивистского детерминизма, построенного в прямой связи с уровнем, которого достигла естественная наука в XIX веке. Субъективно-идеалистическое истолкование «кризиса физики» чрезвычайно усилило волюнтаризм буржуазной историко-философской мысли. «Исчезновение» механистического детерминизма в точных науках дало толчок новым процессам в истолковании метода и задач наук гуманитарных, в том числе исторической науки.

Перед историками неумолимо встала задача поисков иных путей, иных теорий для объяснения исторического процесса. В обстановке начавшегося кризиса буржуазной исторической мысли начинается размежевание буржуазных историков. Некоторые из них переходят на крайние реакционные позиции, другие стихийно, но все более твердо становятся на путь материалистического понимания истории, и, наконец, третьи мечутся, занимают промежуточное положение. Большинство буржуазных исследователей отвергло единственно правильную теорию материалистического понимания истории. Признав несостоятельность позитивистской методологии, они мало-помалу начинают склоняться к прагматизму, иррационализму и другим реакционным субъективно-идеалистическим философско-историческим системам.

К началу XX в. новые процессы, симптомы методологического и идейного загнивания буржуазной историографии и философии истории наиболее четко обозначились в Германии — стране мощного рабочего движения, где марксизм уже не одно десятилетие пользовался огромным влиянием и авторитетом в передовых слоях трудящихся масс. Буржуазная историческая наука рука об руку с философией, социологией и другими общественными науками развернула наступление на передовую пролетарскую идеологию и на методологические основы исторической науки как таковой. Наряду с реакционным ницшеанством расчищало дорогу для субъективно-идеалистической идеологии столь же реакционное неокантианство. Неокантианцы баденской школы В. Виндельбанд и Г. Риккерт выступили с утверждением, что история не способна устанавливать закономерности развития человеческого общества, что задача ее

ограничивается лишь описанием индивидуальных, неповторяющихся фактов. Виндельбанд попытался обосновать тезис, по которому история якобы относится к наукам «идеографическим», имеющим в своей основе особое, частное, индивидуальное в противоположность генерализирующим наукам о природе, определяющим закон. Типичным представителем германских историков и социологов, находившихся под большим влиянием риккерттианства, был М. Вебер. Существенным элементом «эмпирической социологии» у Вебера была его идеалистическая теория «идеальных типов» общественных отношений, которые представляют лишь умозрительные конструкции, не совпадающие с объективной истинной действительности. Среди профессиональных историков против исторических закономерностей активно выступили «герои» дискуссии в редакции «Historische Zeitschrift» Г. фон Белов, Ф. Мейнеке, заменявшие строго научные исторические категории понятиями «суммарной ориентации». Буржуазные ликвидаторы исторической науки накапливали силы для решающего наступления на ее фундаментальные принципы.

Зная подлинной исторической науки высоко подняли историки-марксисты. При резкой враждебности правящих классов буржуазного общества и официальной исторической науки условия для широкого развития марксистской исторической мысли были весьма неблагоприятны. Исследовательская работа для них была крайне затруднена. Пользоваться аппаратом научных учреждений они не могли, труды их буржуазными издательствами не издавались. Они были лишены денежных средств. Лишь некоторые ассоциации историков прогрессивного направления сотрудничали с марксистами. Небольшие отряды историков-марксистов в каждой капиталистической стране чаще всего выступали как публицисты в партийной прессе, их главные усилия направлялись на марксистское освещение важнейших проблем современности и революционное освоение прошлого исторического опыта.

Крупнейшими историками-марксистами начала XX в. в Германии были А. Бебель и Ф. Меринг. На работах Бебеля «Из моей жизни», на множестве его статей, опубликованных в социал-демократической прессе, как и на труде Меринга «История германской социал-демократии» и других его произведениях, воспитались целые поколения прогрессивных историков Германии, да и не только Германии. Марксистское направление в английской историографии представляли также крупные политические деятели английского и ирландского рабочего движения Дж. Коннолли и Ф. Ротштейн. Во Франции как историк марксистской мысли видное место занял П. Лафарг. Большой вклад в развитие марксистской исторической мысли в США был сделан трудами деятелей левого крыла американского социалистического движения Д. де Леона, Ю. Дебса, историческими исследованиями Г. Шлютера. Марксистская историческая мысль прокладывала себе дорогу и влияла на формирование прогрессивной исторической науки и в других странах Европы и Америки.

Начало нового этапа в развитии передовой исторической мысли знаменовали труды В. И. Ленина. Ленинский этап в исторической науке неразрывно связан с творческим развитием марксистского учения и ростом международного рабочего и революционного движения в условиях империалистической эпохи, с перемещением центра революционного движения в Россию. В. И. Ленин развил и обогатил марксистскую концепцию всемирно-исторического процесса в борьбе с буржуазной и реформистской историографией. Он глубоко вскрыл корни углубляющегося кризиса буржуазной исторической науки, обнажил антинаучную сущность новейших буржуазных социологических и философско-исторических учений, их идеалистическую основу. Непримиимо борясь против реакционной буржуазной идеологии и всех ее оппортунистических, ревизионистских разновидностей, В. И. Ленин отстоял научные основы марксизма и творчески развил во всех областях истории революционное диа-

лектическое понимание исторического процесса. Развивая марксистское учение, он нанес решающий удар по всякого рода догматическим и волюнтаристским теориям.

В трудах В. И. Ленина большое место отведено рассмотрению основных проблем истории буржуазных революций в Англии, Франции, Германии и других государствах. В. И. Ленин осуществил непревзойденный анализ предпосылок и хода классовой борьбы в этих революциях, определил их существо и сопоставил их особенности. Он учил различать условия буржуазных революций, происходивших в разных странах либо в одной и той же стране, но в разные исторические периоды. Такой конкретно-исторический подход к анализу революционных движений дает единственно правильный научный критерий для характеристики поведения классов и партий в революции.

Большое внимание В. И. Ленин уделил Парижской коммуне, проанализировав ее сущность и движущие силы. Он дал конкретную характеристику Парижской коммуны как пролетарского государства, выяснил важнейшие черты первого в мире опыта пролетарской диктатуры — ее массовость, подлинную, широкую демократичность, отличающую ее от узкой, ограниченной буржуазной демократии, связал опыт Парижской коммуны с опытом русских Советов. В работах Ленина о Коммуне уточнена и роль средних слоев в революции, в частности крестьянства.

Ленинские работы создали прочную основу для научного освещения истории международного рабочего и социалистического движения. В. И. Ленин исследовал вопросы стратегии и тактики пролетариата, деятельность профессиональных организаций, специфику рабочего движения в отдельных зарубежных странах. В период, когда буржуазные и лжесоциалистические теоретики широким фронтом пытались «провергнуть» и ревизовать марксизм, Ленин, рассматривая всемирно-историческое значение марксистского учения о развитии человеческого общества, научно доказал, что «главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как создателя социалистического общества»¹⁵. В. И. Ленин определил историческое место I Интернационала в развитии международного рабочего движения, значение его программы и тактики экономической и политической борьбы. Особенно велика роль Ленина в освещении проблем истории II Интернационала. Он вскрыл социальные корни и идеологические истоки ревизионизма и центризма, показал закономерность развития и усиления революционной тенденции в рабочем движении. Ленину принадлежит классическое определение трех течений в международном социализме. В трудах В. И. Ленина по истории рабочего движения центральное место занимают проблемы строительства пролетарских партий нового типа и вопросы диктатуры пролетариата. Развивая марксистскую теорию диктатуры пролетариата, В. И. Ленин решительно разоблачал и отметал анархистские и оппортунистические попытки игнорировать и искажать значение государственной организации в деле освобождения пролетариата. Эту гигантскую теоретическую работу по критике оппортунистических «теорий» государства и определению задач пролетариата в пролетарской революции В. И. Ленин осуществил в своих многочисленных трудах, венцом которых является его произведение «Государство и революция», написанное в 1917 году.

Всесторонне анализируя развитие капиталистических отношений в конце XIX и в начале XX в., Ленин блестяще доказал исторический факт перерастания капитализма в его последнюю, империалистическую стадию развития. В. И. Ленин явился основоположником марксистской концепции империалистического периода всемирной истории. Ленинский анализ империализма создал прочную методологическую базу научно-

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 544.

го изучения социально-экономической и политической, культурной и идеологической, военной и дипломатической истории новейшего времени.

Уже в первый период научной и революционной деятельности В. И. Ленина вокруг него стала формироваться марксистская школа историков и публицистов. Историки ленинской школы занимались, естественно, в основном проблемами истории России, но все пристальнее начинали изучать и проблемы всемирной истории, и прежде всего вопросы рабочего и социалистического движения в странах Европы и Америки. Сразу же после появления большевистской печати на ее страницах стали систематически печататься документальные материалы, научные статьи, очерки по проблемам западноевропейской истории. В 1905 г. были опубликованы статьи А. В. Луначарского под общим названием «Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата», в которых А. В. Луначарский обратил особое внимание на роль народных масс и прежде всего пролетариата на различных этапах революционного движения в Европе. В связи с 25-летием со дня смерти К. Маркса большевистская газета «Пролетарий» 18(5) марта 1908 г. опубликовала статьи, раскрывавшие историческое и международное значение марксизма, этапы его формирования. Тогда же вышел специальный сборник статей, посвященный К. Марксу¹⁶, в котором были напечатаны работы В. И. Ленина «Марксизм и ревизионизм», В. В. Воровского «К истории марксизма в России» и другие. Перу В. В. Воровского принадлежат замечательные статьи, раскрывавшие научное и политическое значение «Манифеста Коммунистической партии»¹⁷. В это же время вышли работы И. И. Скворцова-Степанова, посвященные проблемам английского рабочего движения¹⁸. Обострение империалистических противоречий и назревание мировой войны привлекли внимание марксистско-ленинских историков. Анализу международных отношений и характеристике внешней политики империалистических держав были посвящены работы В. В. Воровского, А. В. Луначарского, Н. М. Лукина, А. Трояновского. В 1914 г. вышла специальная работа Н. М. Лукина «Борьба за колонии». Ранние работы М. Н. Покровского касались проблем западноевропейской истории. Его статья «Идеализм и законы истории», появившаяся в 1904 г. в журнале «Правда», направленная против Г. Риккерта и В. Виндельбанда, а также против господствовавших идей Л. Ранке, не потеряла своего научного значения и в настоящее время.

Так на фоне общего идеологического разлада, охватившего главные направления буржуазной историографии, дискредитации казавшихся незыблемыми концепций, вырождения, а подчас и исчезновения целых исторических школ, научная продукция которых не выдерживала проверки исторической практикой, марксистская историография, верная своим основным исходным посылкам, все более смело рисовала наново историю человечества, все увереннее заглядывала в его будущее. В чрезвычайно тяжелых, неблагоприятных условиях новаторский труд историков-марксистов подготовлял почву для бурного расцвета передовой исторической мысли после Великого Октября.

¹⁶ «Карл Маркс (1818—1883)». СПб. 1908.

¹⁷ См. В. В. Воровский. Соч. Т. I. 1932.

¹⁸ См. И. И. Скворцов-Степанов. Избранные произведения. Т. I. 1930.